

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЕВРОГРАБЕЖ

1

За пару последних лет Ксюша повидала немало дальних стран и крупнейших мегаполисов мира, но Амстердам оказался чем-то особенным. Расхожие штампы, именующие его то «Северной Венецией», то «столицей тюльпанов», то «городом свободы», характеризовали какую-то одну его особенность, а реальность превосходила эпитеты и определения.

Остановив прокатную «Вольво» на набережной, Ксюша поднялась на горбатый мост и облокотилась на перила, делая вид, что любуются видом на канал. К сожалению, приходилось уделять внимание не только местным красотам.

Велосипедист, которого она приметилла еще возле Центрального вокзала, проехал мимо ее машины и притормозил возле уличного кафе, но туда не зашел, а остался в седле, упираясь ногой в мостовую. Наверное, ему казалось, что на фоне посетителей кафе он меньше бросается в глаза. Так оно и было, если смотреть рассеянным беспечным взглядом туриста. Но Ксюша таких деталей не упускала.

Пора было звонить Давиду, но под мостом проплывал шумный прогулочный катер, так что Ксюша не торопилась включать мобильник, а продолжала вести наблюдение.

На хвосте у нее висело три велосипедиста, попеременно сменявших друг друга, мелькала еще и машина — темно-

синий «Опель». Однако по Амстердаму на двух колесах передвигаться намного удобнее, чем на четырех. Парковка машин разрешена далеко не везде, тогда как велосипед можно примостить где угодно и когда угодно. Кроме того, велосипедисту проще затеряться среди бесчисленного множества себе подобных. Здесь многие гарцевали на двухколесных железных конях — женщины и мужчины, дети и старики, учителя и студенты, бизнесмены и домработницы.

Мужчине, следившему за Ксюшей, было за сорок. Судя по длинным рыжим патлам и бороде, он был потомком тех хиппи, которые в шестидесятые годы наводнили нидерландскую столицу, куря повсюду свои марихуановые фимиамы, разбрасывая шприцы и бутылки, бродя нагишом, устраивая грандиозные оргии и обживая пустые баржи, пришвартованные вдоль берегов. А может быть, рыжий вовсе не являлся жертвой сексуальной революции, а попросту носил парик и накладную бороду. Ведь он, как и остальные преследователи Ксюши, был по сути своей бандитом. Они намеревались отобрать у нее два миллиона евро, а ее задачей было занести сумку в банк и положить деньги на счет. Такая вот нехитрая игра с очень высокими ставками.

Ксюша не впервые играла в «кошки-мышки». Давид неохотно приобщил ее к своему опасному бизнесу, но со временем был вынужден признать, что она как нельзя лучше подходит на роль курьера. Кому бы еще он доверил такую кучу налички, как не жене?

Рыжий велосипедист постоял немного, оттолкнулся ногой и, описав петлю, медленно покати́л в сторону «Вольво». Ему явно не давала покоя мысль о том, что в багажнике машины хранится целое состояние. Лишняя его иллюзии, Ксюша неспешно двинулась к началу моста. По пути она набрала Давида.

— Ну как? — сразу же спросил он.

— Ведут, — спокойно сообщила Ксюша. — Обычная история.

— Суки, — сказал Дэвид.

Он имел в виду голландцев, рассчитавшихся с женой наличными. Кто-то из них слил информацию бандитам или же нанял их, рассчитывая вернуть деньги обратно. Вывезти их из Европы тайно не представлялось возможным, поэтому Ксюше и предстояло сдать их в банк, но так, чтобы преследователи не перехватили по пути.

Рыжий, не рискнув взламывать машину на виду у хозяйки и сотен свидетелей, проехал на своем велосипеде мимо. Он и его подельники дожидались, пока Ксюша сама откроет дверцу.

Большая сумка, плотно набитая стянутыми упаковками пятисотенных купюр, весила около пяти килограмм. Пока молодая женщина дойдет с этим грузом от машины до банка, у грабителей будет достаточно времени, чтобы совершить налет.

— Суки, — согласилась Ксюша. — Я привыкла. Справлюсь, Дэвид, не переживай.

— Я знаю, что справишься. Но тем не менее переживаю.

— Я знаю, что переживаешь, — ответила она в тон мужу. — Но все равно приятно.

Пока они разговаривали, рыжего бородача сменил молодой парень с внешностью активного гея, которая для Амстердама была настолько привычной, что могла служить маскировкой. Спешившись с велосипеда, он делал вид, что любит бронзовую скульптуру русалки. Черная кожа, заклепки, подведенные глаза. Чем его могла заинтересовать русалка, скажите на милость?

Ксюшина фигура его тоже оставила равнодушным, судя по беглому взгляду. И это при ее росте метр восемьдесят, пышной гриве курчавых волос и длинных ногах в оранжевых замшевых ботфортах.

Размашисто прошагав к «Вольво», она забралась внутрь, просунув колени под рулевое колесо. Захлопнула дверь. Включила зажигание. Медленно поехала по узкой улочке.

Дома на противоположном берегу торчали вкривь и вкось, тесня друг друга, проседая и напирая сверху. Воды в Амстердаме было с избытком, а суша стоила так дорого, что застройщики стремились использовать каждый квадратный сантиметр. Там, где земли не хватало, здания возводились на толстых сваях. На илистой почве эти конструкции постепенно расшатывались, перекашивались, клонились в разные стороны, но город стоял и даже процветал, о чем свидетельствовала пестрая раскраска домиков, издали похожих на кукольные. Красные, зеленые, желтые, они создавали карнавальное настроение.

Но сегодня Ксюша чувствовала себя чужой на этом празднике жизни. Дело, которое ей предстояло проверить, держало ее в постоянном напряжении. Так было в Праге, Риме и даже в чинной, благопристойной Лозанне. В каждом городе обитали свои подонки, которые были не прочь позариться на чужие деньги. В двух случаях из трех при получении крупных сумм не обходилось без приключений. Увы, Амстердам не стал приятным исключением.

Ксюша сделала очередную остановку возле цветочного рынка, настоящей Мекки для голландцев, у которых лужайки, изгороди, балконы и подоконники почти непременно были украшены цветами. Полминуты спустя неподалеку приткнулся зеленый микроавтобус с облупленными боками. А спереди подъезжал третий велосипедист, избравший имидж заправского спортсмена в вытянутом шлеме, майке и шортах.

Ксюша решительно распахнула дверь автомобиля. Пришло время действовать.

2

Если бы каких-нибудь три года назад Ксюше Пашко сообщили, что она выйдет замуж за мультимиллионера и станет его доверенным лицом, она бы только расхохоталась.

Жизнь ее протекала вдали от дворцов, замков и офисных небоскребов. Она родилась в рабочем городе со скучным пыльным названием, которому вряд ли суждено сохраниться в веках, подобно Лондону, Венеции или Помпее. Закончила среднюю школу, рассталась с девственностью на первом курсе института, сменила нескольких бойфрендов, один раз влюбилась почти по-настоящему, так что даже вены хотела резать, но потом передумала, отправилась с подругой в кино и там познакомилась с будущим мужем, но еще не с Давидом, а с первым, который был никаким не миллионером, а военным летчиком.

Звали его Вадимом, фамилию он носил вполне «высотную» — Верховский. Ксюша влюбилась в него с первого взгляда, а отдалась на втором свидании, которое прошло на кровати холостяцкой квартиры Вадима. Он был одного с ней роста, но старше почти на десять лет. Позвал ее замуж, не выбираясь из постели. Там же она дала согласие, о котором не пожалела.

Вадим был замечательным любовником и прекрасным другом. За всю их довольно долгую супружескую жизнь он ни разу не накричал на Ксюшу и тем более не поднял на нее руку, даже не замахнулся. И это при том, что поводы она давала, не без того. Со своей сногшибательной фигурой и внешностью она пользовалась успехом у мужчин, который еще более возрос, когда она стала матерью.

В девичестве Ксюша Пашко сильно комплексовала по поводу своих невыдающихся форм. В период кормления дочурки ее груди налились и приобрели аппетитные очертания, бедра тоже раздались. При встрече мужчины никак не могли решить, куда им пялиться — на Ксюшины ягодички или бюст?

Постоянных, «долгоиграющих» любовников она не заводила, ограничиваясь случайными, ни к чему не обязывающими связями. То командировка, то корпоратив, то встреча одноклассников. Ксюша бы и рада была сохранять верность мужу, но как-то не очень получалось. Виной тому были ее

отзывчивая, эмоциональная натура и свойство сильно пьянеть от пары бокалов шампанского или сухого вина.

И однажды мужу надоело. Серым пасмурным утром Ксюша проснулась в квартире одна. Это было особенное одиночество. Квартира опустела по-настоящему. Ни звука, ни намека на чье-то присутствие.

Пройдясь по комнатам, Ксюша вернулась в спальню и упала на кровать, зарывшись лицом в подушку. Вадим и Лилечка исчезли. Исчезла и большая часть их вещей. Они бросили Ксюшу, и она сама была виновата во всем, никудышная мать, неверная жена.

Приведа себя в порядок, она взяла телефон и позвонила родителям Вадима. Это было единственное место, где он мог находиться, потому что Лиля в садик не ходила и оставить ее можно было только с бабушкой и дедушкой.

— Здравствуйте, мама, — сказала Ксюша, стараясь не допустить в голосе истерические, отчаянные нотки.

— Я больше тебе не мама, — послышалось в ответ. — Зови меня Юлией Александровной, как прежде.

— Юлия Александровна, — послушно повторила Ксюша. — Мои у вас?

— Кто твои?

— Вадик... Лилечка...

— Они больше не твои, — отрезала свекровь. — Зачем шалавам семья?

Ксюше словно кипятком в лицо плеснули. Она несколько раз открывала рот, не зная, что сказать. Вчерашний вечер вспомнился с пугающей ясностью, как если бы прожектор на грязную кучу навели. День рождения у сотрудницы закончился постыдно. Опять перебрала, произносила какие-то дурацкие тосты, позволяла за собой активно ухаживать какому-то хмырю из лицензионного отдела. Он вызвался отвезти ее домой, долго тискал на заднем сиденье такси, но, к счастью, Ксюшу начало тошнить, и она была оставлена в покое.

Вадим ждал ее в кухне, сидя перед чашкой остывшего чая.

— Что на этот раз? — спросил он негромко.

— Вадик, так получилось...

— Тише, пожалуйста. Лиля спит.

Понизив голос, Ксюша, как могла, объяснила причины своего позднего возвращения.

— То же самое я слышал на Рождество, — сказал Вадим, терпеливо выслушав жену. — Тогда ты пообещала мне, что больше никаких застолий.

— Так получилось, — удрученно пробормотала она.

— Я больше не могу тебе доверять, Оксана. И дочь не могу тебе доверить. Нужно что-то менять. Кардинально.

— Я исправлюсь, — заученно сказала Ксюша.

Хмель всё еще кружил ей голову, не позволяя связно мыслить и адекватно воспринимать ситуацию. Ей хотелось поскорее закончить этот нудный разговор и завалиться спать. Вадим не позволил.

— Для начала ты уволишься со своей работы и устроишься в нормальное место, — сказал он тоном человека, давно принявшего некое единственное верное для себя решение. — Потом посмотрим на твое поведение.

— Нет, — быстро произнесла Ксюша.

Она работала демонстратором в фирменном автосалоне «Мерседес». В обязанности двух одинаково высоких и длинноногих девушек входило встречать клиентов ослепительными улыбками, угощать их кофе и повыше задирать юбочки, усаживаясь на сиденье осматриваемого автомобиля. Эта работа полностью устраивала Ксюшу. Здесь она постоянно находилась в центре внимания. Девушка обожала выслушивать комплименты, ловить восхищенные взгляды мужчин, ей нравилась сияющая, богатая атмосфера, в которой она чувствовала себя как рыба в воде. И вдруг отказаться от всего этого? Чего ради?

— Чего ради? — произнесла Ксюша вслух. Ей, несмотря на опьянение, становилось все неудобнее под испытывающим взглядом Вадима.

— Ради дочки, — ответил он, подумав. — Ради меня. Ради всех нас.

— Тогда, может быть, сначала тебе сменить профессию, милый? Я зарабатываю в три раза больше тебя. Если я уйду из салона, то на что мы будем жить? На твою нищенскую зарплату?

Кончик носа и скулы Вадима побелели.

— Нам хватит, — сказал он.

— Тебе — возможно, — заявила Ксюша. — Но не мне. Знаешь, сколько мои сапоги стоят? А шуба?

— Тогда выбирай. — Он встал. — Между мной и сапогами с шубами.

Она медленно покачала головой.

— Мне не нужно выбирать.

Вадим обернулся через плечо.

— Значит, ты уже решила?

— Да, — утвердительно тряхнула волосами Ксюша.

— Что же?

— Я с работы не рассчитаюсь, пока ты не подашь пример.

— Я летчик, — сказал Вадим. — Мне без неба нельзя.

— А я женщина. Красивая, между прочим. И я не намерена вести нищенское существование.

— Эх ты, Ксюша, юбочка из плюша. Ладно, будем считать, что мы всё обсудили и пришли к совместному решению.

Вадим вышел, прикрыв за собой дверь. Она выждала, пока он устроится на диване в гостиной и прокралась в спальню, где забылась тяжелым пьяным сном...

А теперь она с пересохшим горлом и тяжелой головой сидела на холодном стуле в одних трусах и выслушивала оскорбления свекрови по телефону.

— Шалава? — переспросила она. — Это вам Вадим пожаловался?

— Мой сын никогда не жалуется, — холодно возразила Юлия Александровна. — Я сама вижу, что у вас происходит. Да иногда добрые люди подсказывают.